

ПРАВОСЛАВИЕ И БЮРОКРАТИЯ: РЕШЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ВОПРОСА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

А. В. Сперанский

В статье показан сложный и противоречивый процесс взаимоотношений между Советским государством и Русской православной церковью в экстремальных условиях военного времени. Вскрыты сущность и причины новой религиозной политики сталинского режима. На примере деятельности партийно-государственной бюрократии Уральского региона продемонстрировано ее стремление к ограничению религиозных чувств населения и тотальному контролю над церковными структурами и учреждениями. Делается вывод, что достигнутый компромисс носил тактический характер и использовался властью для консолидации общества в борьбе с внешним врагом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Русская православная церковь, культовое учреждение, верующие, местоблюститель, интронизация, патриарх, Совет по делам Русской православной церкви, уполномоченный, бюрократизм, консолидация.

На протяжении всей своей истории Русская православная церковь вместе со своим народом неоднократно переживала беды и тяготы войны. Страницы истории российского государства наполнены многочисленными примерами живого и действенного патриотизма духовенства и верующих. Великая Отечественная война не стала исключением. В году суровых испытаний 1941—1945 гг. русское православие в очередной раз показало свою деятельность, самоотверженность и духовную стойкость.

С самого начала военных действий позиция Русской православной церкви была предельно ясно определена ее руководством. 22 июня 1941 г. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) сразу же обратился ко всем верующим с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал народ к объединению в борьбе с ненавистными захватчиками и выразил уверенность в окончательной победе. «Православная наша Церковь, — говорилось в «Послании», — всегда разделяла судьбу народа... Не оставит она народа своего и теперь... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу» [3, с. 4].

Первоначально, несмотря на патриотическую позицию, занятую Русской православной церковью, отношение к ней со стороны государства изменилось мало. Прекратилась лишь воинствующая антирелигиозная пропаганда, но преследования, выражавшиеся в закрытии культовых учреждений, государственной дискриминации духовенства и верующих, остались. Однако грозная опасность, нависшая над самим существованием нашего государства, необходимость всенародного единения для победы, побудили Советское правительство к изменению религиозной политики. Сталинскому

режиму стало предельно ясно, что для того, чтобы выстоять в смертельной схватке с грозным врагом, необходимо мобилизовать все внутренние патриотические и антифашистские силы. Православная церковь должна была быть привлечена к этой борьбе, хотя бы потому, что по данным переписи 1937 г. 56,7% взрослого населения страны (55,3 млн чел.), несмотря на все гонения против религии, продолжали считать себя православными [1, с. 330].

Принципиальные изменения в церковно-государственных отношениях произошли в феврале 1943 г., когда Сталин в ответ на просьбу митрополита Сергия (Страгородского) разрешил церкви открыть счет в государственном банке для сбора пожертвований в фонд обороны. Это решение практически вернуло Русской православной церкви статус юридического лица, отнятый у нее декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Окончательный же поворот государства лицом к религии произошел после знаменитой встречи Сергия (Страгородского) и И. В. Сталина 4 сентября 1943 г. в Кремле. Известно, что беседа протекала в спокойном и конструктивном русле. Провожая Местоблюстителя патриаршего престола, Сталин под руку довел его до самых дверей кабинета и, открывая их, многозначительно произнес: «Владыка, это все, что я могу в настоящее время для Вас сделать» [5, с. 103].

Конечно же, председатель ГКО не ограничился уважительным открыванием дверей. Уже через 4 дня после беседы в Кремле — 8 сентября 1943 г. состоялся Архиерейский Собор. При участии 19 архиереев, многие из которых были доставлены в Москву прямо из лагерей и ссылок, Сергий (Страгородский) был единодушно выбран Патриархом Русской православной церкви. Собор избрал также Священный синод и вынес постановление, осуждающее коллаборационистов [6, с. 121, 122, 124]. 19 сентября 1943 г. в кафедральном Богоявленском соборе состоялась интронизация Патриарха. После избрания Патриарха процесс нормализации взаимоотношений между Православной церковью и Советским правительством получил новый импульс. 14 сентября 1943 г. И. В. Сталин подписал постановление

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 16-01-00368 «Трансформация советской региональной номенклатуры в период становления и утверждения командно-административной системы (на материалах Урала)».

«Об организации Совета по делам Русской православной церкви». Председателем вновь созданного государственного органа был утвержден полковник НКГБ Георгий Григорьевич Карпов.

Создавая Совет, сталинское руководство пыталось декларировать, что он ни в коей мере не будет выполнять руководящих и контролирующих функций по отношению к Русской православной церкви. Однако на практике это не соответствовало действительности. Патриарх и Священный синод фактически не имели возможности самостоятельного решения ни одного крупного вопроса. Созыв Соборов, определение управленческой структуры церкви, утверждение правящих архиереев, назначение епархиальных епископов, направление в приходы священников, открытие храмов, духовных учебных заведений и многие другие вопросы должны были обязательно согласовываться с Советом и утверждаться Правительством [4, с. 257].

Стремление власти использовать религию в борьбе с захватчиками носило сугубо прагматичный характер. Понимая, что проявив искренний патриотизм и играя заметную роль в процессе консолидации всех сил страны на отпор агрессору Церковь усиливает свое духовное влияние на массы, Государство старалось, используя религиозный потенциал в оборонно-мобилизационных целях, одновременно сдерживать церковную активность в четко определенных рамках дозволенного. В условиях войны режим хотел видеть в религии не гонимую оппозиционную силу, а лояльный к власти, мощный источник патриотической мобилизации масс, поставленный под тотальный контроль светских органов управления.

Огромное значение в церковной жизни приобрело подготовленное Советом по делам Русской православной церкви и утвержденное СНК СССР 28 ноября 1943 г. постановление «О порядке открытия церквей». Документ устанавливал достаточно сложную процедуру, в результате соблюдения которой впервые после антирелигиозной кампании конца 1920—30-х гг. у верующих появилась возможность восстановить деятельность некогда закрытого культового учреждения. Статистика утверждает, что новая религиозная политика большевистского государства дала возможность Русской православной церкви за годы войны увеличить количество православных храмов более чем в двое: с 4 тыс. 500 (1941 г.) до 10 тыс. 547 (1945 г.). Однако отметим, что в сравнении с дореволюционным периодом количество православных храмов к концу войны не выглядит столь внушительно и составляет лишь 22% от уровня 1914 г. (48 тыс.). Это еще раз подтверждает то, что большевики даже в рамках «нового курса» не отказывались от целенаправленной политики по «сдерживанию религиозных чувств» [2, с. 35].

Политика использования религиозного потенциала в оборонных целях, при одновременном сдерживании церковной активности, рельефно проявлялась и в поведении властных структур на региональном уровне. В частности, на первом этапе войны, несмотря на лояльность и патриотизм проявленные Русской православной церковью, власти Уральского региона, не получив конкретных указа-

ний из центра о смягчении политики по отношению к духовенству, продолжали закрывать культовые учреждения (только по Свердловской области во второй половине 1941 г. было закрыто 22 православных храма)¹. Когда же, после встречи И. В. Сталина с высшим церковным руководством в конце 1943 г., все необходимые директивы были получены, местные чиновники, опасаясь скорой отмены указаний сверху, не стали проявлять особой поспешности при их открытии. Не отказывая верующим в реализации их законных прав, обозначенных в постановлениях Правительства, местная бюрократия стремилась как можно дольше затянуть решение вопроса, тем более, что противоречивость пунктов правительственных документов предоставляла для этого самые широкие возможности.

По постановлению СНК СССР «О порядке открытия церквей» ходатайство верующих принималось к рассмотрению местных органов власти, которые после тщательной проверки должны были сделать соответствующее заключение о возможности или невозможности возобновления деятельности культового учреждения. Сроки подготовительно-проверочной работы документ не определял. Это давало административным органам управления хороший шанс при желании задерживать решение вопроса практически на неограниченный период времени. Задержка могла осуществляться как на уровне районных и городских Советов, так и в областных органах власти.

Приняв дело к рассмотрению, представители бюрократического аппарата имели широкий спектр возможностей официально отказать просителям. Причины отказа могли быть разнообразными, но самым веским поводом считалось отсутствие подходящего для свершения религиозных ритуалов помещения. Церкви, занятые под культурно-просветительские учреждения (школы, библиотеки, клубы, кинотеатры), бытовые организации (магазины, прачечные), производственные цеха оборонного направления, воинские объекты, возвращать приходским общинам строго запрещалось. Не используемые государством бывшие церковные помещения, как правило, находились в аварийном состоянии, что тоже являлось веским аргументом для отказа.

Отклонение ходатайства могло произойти из-за неправильного оформления необходимых документов. Уполномоченные по делам Русской православной церкви на местах вынуждались вышестоящим руководством к выполнению нелепых требований по соблюдению секретности документации. Поэтому во всех регионах страны постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей» доводилось до духовенства и верующих только на основе «устных разъяснений». По этой причине очень часто все необходимые для возобновления деятельности храма бумаги оформлялись не в соответствии с установленными правилами и, естественно, не принимались к рассмотрению².

Кроме того, партийно-государственная бюрократия отказывала в просьбе, ссылаясь на недостаточное

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 14. Л. 27, 28.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.

количество верующих или на наличие на вверенной ей территории уже действующей церкви. Так, Свердловский облисполком не разрешил открыть церковь в селе Волчово Каменского района, мотивируя отказ тем, что «заявители не отражают настроения большинства населения района»¹. Пытаясь найти различные поводы и предлоги для отклонения ходатайств верующих, местные власти просто стремились реализовать на практике негласную установку Москвы о положительном решении не более 20% заявлений². В итоге, не трудно представить, что из огромного количества заявлений, обрушившегося на исполнительные органы с конца 1943 г., большинство отклонялось на месте и только незначительная часть направлялась на рассмотрение Совета по делам Русской православной церкви и окончательное утверждение Правительства, что, кстати, также не гарантировало их положительного решения.

По Молотовской области из 249 заявлений от верующих с просьбой об открытии православного храма, поданных в период с 1944 по 1945 гг., 178 были отклонены на региональном уровне, а из 71 ходатайства, отправленного на утверждение в Москву, положительное решение было вынесено только по 32 прошениям³. Верующие поселка Чермоз и села Паль, преодолевая все бюрократические препоны, дважды добивались рассмотрения своего ходатайства в Совете по делам Русской православной церкви. Просьба жителей Чермоза, рассмотренная 22 мая 1944 г., не была удовлетворена, так как помещение часовни, где предполагалось открыть церковь, по заключению местной администрации, находилось в аварийном состоянии. Однако верующие своими силами отремонтировали здание и, проявив настойчивость, через год (28 апреля 1945 г.) сумели добиться положительного решения. Менее удачливы оказались прихожане церкви, расположенной в селе Паль. Пробившись через сопротивление местных бюрократов, они, тем не менее, дважды получили отказ в центральных органах по причине занятости помещения храма складом организации «Заготзерно»⁴.

Большие трудности при разрешении проблем, связанных с открытием культовых учреждений, испытывали духовенство и верующие Свердловской области. За период с 1944 по 1945 гг. на Среднем Урале в административные органы было подано 116 заявлений, из них 108 получили отказ и лишь 8 направились в Совет по делам Русской православной церкви, который удовлетворил только 5 из них⁵.

Отметим, что в Свердловской области возобновление деятельности православных храмов имело

место и до создания Совета по делам Русской православной церкви и института его уполномоченных на местах. Так, в 1942 г. был вновь открыт для посещения верующими храм Иоанна Предтечи в Свердловске. В 1943 г. начались службы в церквях Невьянска, сел Березовка, Черноисточник, Балакино, Сылта. Культовые учреждения, работавшие до выхода в свет постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей», автоматически регистрировались уполномоченными, и их прихожанам не нужно было подавать ходатайства и ждать разрешения властей на проведение религиозных ритуалов и обрядов. Таким образом, за годы Великой Отечественной войны в Свердловской области вновь начали действовать 11 храмов Русской православной церкви⁶.

В Челябинской области за период с 1944 по 1945 гг. верующие подали в местные органы власти 109 прошений об открытии церквей или молитвенных домов. Строгий подход чиновников к решению этих вопросов подтверждается тем, что 85 просьб были отклонены. Однако заметим, что все 24 заявления, отправленные на рассмотрение центральных органов, были тщательно подготовлены и, в отличие от подобных петиций из Молотовской и Свердловской областей, не получили ни одного отказа⁷. На заседании Совета по делам Русской православной церкви была поставлена под сомнение лишь возможность открытия храма в г. Катав-Ивановске из-за тяжбы между прихожанами патриаршей ориентации и старообрядцами. В конечном итоге проблема была разрешена в пользу верующих, признавших главенство Московской патриархии. После отказа, вынесенного 23 марта 1944 г., при повторном рассмотрении вопроса 22 мая 1944 г. было решено открыть православную церковь патриаршей ориентации⁸. Заявления из других населенных пунктов Южного Урала возражений не вызывали.

В Чкаловской области за период 1944—1945 гг. в исполнительных органах власти было рассмотрено 85 заявлений духовенства и верующих с просьбами разрешить деятельность православных храмов. 54 ходатайства не получили поддержки местных чиновников, 23 — отклонили на уровне Правительства и Совета по делам Русской православной церкви и только 8 населенных пунктов Оренбуржья получили право возобновить работу культовых учреждений⁹. Доля направления местными органами власти прошений в вышестоящие инстанции была велика — 27,1%, однако обоснованность этих петиций в большинстве случаев не находила подтверждения в Москве.

Советское правительство отклонило 74,2% всех заявлений, направленных в его адрес, причем в отношении верующих областного центра сделало это четыре раза из пяти. Было получено разрешение на возобновление деятельности только Никольского

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5309. Л. 29.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 25, 26.

³ Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 80 об, 81, 122, 129, 143, 149, 154, 158 об; Д. 15. Л. 24; Д. 25. Л. 72-90; ГАПО. Ф. Р-1205. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—14.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 68; Д. 25. Л. 80; Д. 2. Л. 80, 80 об, 158 об.

⁵ Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 122; Д. 13. Л. 58, 67, 73; Д. 27. Л. 86—88; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 17. Л. 50, 51; Д. 19. Л. 263—265.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 83, 84; Д. 27. Л. 86—89.

⁷ Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 18, 18 об, 22; ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4479-а. Л. 39. Д. 28. Л. 103—121.

⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 28. Л. 104; Д. 2. Л. 59.

⁹ Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 105 об, 121 об, 136 об, 158 об; Д. 13. Л. 27, 28, 32, 34; Д. 28. Л. 137—142; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 13, 16.

собора, тогда как ходатайства об открытии Дмитриевской церкви, храма в поселке Красная горка и двух молитвенных домов власти оставили без внимания. Неудачей закончились и попытки верующих г. Орска. Их заявление дважды рассматривалось в Совете по делам Русской православной церкви и в обоих случаях не имело положительного решения, так как помещение храма было передано областному отделу народного образования. Более благосклонной была фортуна к прихожанам Бузулука, которые, получив отказ, сумели все-таки со второй попытки добиться санкции на открытие в их городе культового учреждения¹.

Со второй половины Великой Отечественной войны религиозная активность населения очень рельефно проявилась в Курганской области. Начиная с 1944 года до конца военных действий верующие Зауралья 107 раз обращались к местному начальству с просьбами разрешить деятельность православных церквей. Анализ рассмотрения властями ходатайств показывает, что руководители вновь созданной области чрезвычайно осторожно подходили к решению этой проблемы. На уровне Курганского облисполкома было отклонено 100 прошений и только 7 с положительными заключениями направились в Москву для окончательного решения своей участи². Правительство не менее строго оценило возможности открытия православных культовых учреждений в Зауралье, приняв положительное решение только по одному заявлению.

Нельзя не упомянуть о том, что в апреле 1942 г. в Куртамыше была открыта Петро-Павловская церковь. В феврале 1943 г. этот город, первоначально входивший в Челябинскую область, был включен в состав Курганской области. Таким образом, к концу Великой Отечественной войны на курганской земле официально действовало два православных храма³.

Наряду с уральскими областями, усиление религиозной инициативы наблюдалось и в автономных республиках региона. Заметим, что тяга населения к христианскому вероучению особенно ярко проявилась в 1944 г. За этот период времени жители Башкирии направили в адрес своего руководства 105 заявлений, в которых ходатайствовали об открытии православных церквей. Правительство республики удовлетворило лишь 15 прошений, направив все необходимые документы в центральные органы управления⁴. Совет народных комиссаров СССР, по заключению Совета по делам Русской православной церкви, счел возможным открыть на территории Башкирии только 7 православных культовых учреждения, наложив отрицательную резолюцию на 8 петиций.

В Удмуртской автономной республике за 1944 г. местное правительство рассмотрело 45 заявлений

верующих с просьбами об открытии православных церквей, 35 из которых по различным причинам не получили положительного решения⁵. Из 10 ходатайств, направленных в центральные органы, было удовлетворено только 2.

Подчеркнем, что две церкви — в селе Перевозное и г. Воткинске возобновили религиозную деятельность соответственно в марте и мае 1943 г. и были автоматически зарегистрированы республиканским уполномоченным без повторной санкции властей⁶. Таким образом, в период с начала войны до конца 1944 г. в Удмуртии начали работу 4 православных храма.

При подведении итогов процесса открытия православных храмов в Уральском регионе за период Великой Отечественной войны складывается достаточно противоречивая картина. Конечно, в целом эта тенденция носила позитивный характер и позволила увеличить количество церквей и молитвенных домов к концу 1945 г. по сравнению с июнем 1941 г. на 157%. С одной стороны, приведенная цифра может рассматриваться как яркая иллюстрация лояльности властей к религии и усилению влияния Русской православной церкви на население Урала. Однако, с другой стороны, подсчет процента поданных заявлений верующих с просьбами об открытии культовых учреждений и удовлетворения ходатайств органами власти позволяет сделать категоричный вывод о том, что бюрократический аппарат управления с явной неохотой шли навстречу желаниям жителей региона и, на наш взгляд, старался под различными предлогами основательно притормозить ход событий. За период с 1944 по 1945 гг. верующими пяти областей и двух автономных республик Урала в адрес местных и центральных властей было направлено, по неполным данным, 816 заявлений с просьбами об открытии церквей, 737 из них, то есть 90,3% были отклонены, причем, 650 заявлений (79,7%) не получили положительной резолюции уже на областном или на республиканском уровне. Из 2448 православных храмов, закрытых большевиками на Урале в довоенный период, в годы войны возобновили свою деятельность только 88, что составило всего 3,6%. 2304 церкви (94,1%) по-прежнему несли на себе печать осквернения, были заняты под хозяйственные нужды или находились в заброшенном состоянии, подвергаясь сильнейшему разрушению.

Даже после разрешения Правительства и Совета по делам Русской православной церкви в некоторых населенных пунктах Уральского региона городская и районная бюрократия не торопилась с открытием культовых учреждений. Так, в Чкалове администрация официально зарегистрировала Никольский собор, но помещение храма, в котором располагался государственный архив, не освободила. В результате верующие для проведения служб вынуждены были арендовать частный дом. Подобная картина наблюдалась в Коркино Челябинской области, где местное начальство, в нарушение распоряжений центральных органов управления, отказывались освободить

⁵ Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 95, 103 об, 104, 136 об, 150 об; Д. 15. Л. 130, 134.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 15. Л. 137, 137 об.

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 105 об. 121 об, 136 об. 158 об; Д. 28. Л. 137, 139; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. Л. 2.

² Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 136 об, 143 об, 154; Д. 13. Л. 158; Д. 25. Л. 14, 15; ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—10.

³ ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 4, 26; Д. 2. Л. 2—10.

⁴ Подсчитано автором по архивным материалам: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 96, 96 об, 98 об, 122, 152 об, 153, 154 об; Д. 15. Л. 113, 115—117.

помещение церкви, ссылаясь на трудные условия военного времени¹.

Таким образом, возрождение религиозной жизни в СССР в экстремальных условиях войны проходило в чрезвычайно сложной обстановке. Новая религиозная политика советского государства, направленная на использование духовного потенциала Церкви для консолидации общества, проводилась не последовательно. Сталинская бюрократия стремилась сдерживать религиозную активность населения, максимально контролировать деятельность церковных структур и учреждений. Верующим и священнослужителям приходилось преодолевать непонимание, а то и просто сопротивление, со стороны, как центральных, так и местных органов власти. Однако тяжелые годы испытаний обозначили реальную возможность компромисса православия и советской бюрократии, что обеспечило консолидацию народа, сумевшего нанести смертельный удар немецко-фашистским агрессорам.

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 22, 31.

СПЕРАНСКИЙ Андрей Владимирович, доктор ист. наук, профессор, заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук (Екатеринбург). Научные интересы: история России, история войн, история культуры, локальная история, история социокультурных процессов. E-mail: avspersky@mail.ru

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2016, vol. 16, no. 3, pp. 63—67*

DOI: 10.14529/ssh160309

ORTHODOXY AND BUREAUCRACY: SOLUTION OF ECCLESIASTICAL ISSUE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. V. Speransky, *Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, avspersky@mail.ru*

The paper shows complex and contradictory process of relations between the Soviet State and Russian Orthodox Church in the extreme conditions of wartime. The paper reveals essence and causes of new religious policy of Stalin's regime. Based on example of activities of the Party-State bureaucracy of the Urals, the paper demonstrates willingness of bureaucracy to restrict religious feelings of people as well as willingness for total control over ecclesiastical structures and institutions. It is concluded that compromise was tactical and Government used this compromise for consolidation of society in the fight against external enemy.

Keywords: Great Patriotic War, Russian Orthodox Church, religious institution, believers, locum tenens, enthronement, Patriarch, Council for Russian Orthodox Church, plenipotentiary, bureaucracy, consolidation.

References

1. Zhiromskaya, V.B. Otnoshenie naseleniya k religii: po materialam perepisi 1937 goda / V.B. Zhiromskaya // Trudy Instituta Rossijskoj istorii RAN. 1997-1998 gg. Vyp. 2. — М.: IRI RAN, 2000. P. 324-338.
2. Pospelovskij, D.V. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke / D.V. Pospelovskij. — М.: Respublika, 1995. — 511 p.
3. Russkaya pravoslavnaya cerkov' i Velikaya Otechestvennaya vojna. Sbornik cerkovnyh dokumentov. — М.: Moskovskaya patriarhiya, 1943. — 100 p.
4. Speranskij, A.V. V gornile ispytaniy. Kul'tura Urala v gody Velikoj Otechestvennoj vojny / A.V. Speranskij. — Ekaterinburg: UrO RAN, 1996. — 349 p.
5. Speranskij, A.V. Vlast'. Cerkov'. Narod: edinstvo vo imya Pobedy / A.V. Speranskij // Gosudarstvo i narod v usloviyah socialisticheskogo ehksperimenta: Opyt retrospektivnogo analiza. — Ekaterinburg: UrO RAN, 2008. — P. 97 — 137.
6. Cypin, V. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi / V. Cypin. — М.: Hronika, 1994. — 256 p.

Received April 27, 2016